

Немирович-Данченко Василий Иванович

Очерки Испании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Очерки Испании / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 485 с.

ISBN 978-5-519-99186-5

ISBN 978-5-519-99186-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ Валенсіи, разбивъ на голову кантоналистовъ, онъ получилъ приказаніе «разстрѣлать плѣнныхъ». Въ Испаніи гуманность понимаютъ своеобразно и съ плѣнными не церемонятся. Виллакампо собралъ инсургентовъ вокругъ себя и заявилъ имъ:

— Господа—вы свободны. Я не палачъ, а солдатъ!

Онъ тутъ-же сломалъ свою саблю и швырнулъ ее прочь. Это стоило ему дорого. Въ междоусобной войнѣ, такъ долго терзавшей Испанію, донъ-Мануэль совершалъ подвиги почти невѣроятные и былъ постоянно сторонникомъ порядка, хотя на чисто республиканскихъ началахъ. Онъ былъ однимъ изъ защитниковъ идеи полного уравнинія провинціальныхъ правъ. «Фуэросы», о которыхъ мечтали возстававшія области, по мнѣнію Виллакампо, слѣдовало уничтожить окончательно. Передъ общей государственной и гражданскою свободою не должно было давать мѣста частнымъ, спеціальнымъ «вольностямъ» отдѣльныхъ провинцій. Хотя это и было на руку правительству, но республиканскія идеи бригадира Виллакампо до того оказывались извѣстными правительству, что по воцареніи Альфонса XII, его министры тотчасъ-же нашли необходимымъ арестовать донъ-Мануэля. Хотя и потомъ онъ ничѣмъ не обнаруживалъ своихъ симпатій, но при всякомъ антидинастическомъ движеніи Виллакампо прежде другихъ подвергался надзору и допросамъ.

Это ему такъ надоѣло, что въ 1876 году онъ открыто применилъ къ республиканскому движенію, попалъ потомъ подъ полицейскій присмотръ въ Соріи, что не воспрепятствовало ему поднять возстаніе въ нѣкогда имъ-же усмиренной Валенсіи, откуда взявъ его, посадили въ бургуесскій замокъ, гдѣ и держали болѣе года подъ замкомъ.

Затѣмъ онъ еще два раза попадалъ за рѣшетки, что не мѣшало ему сдѣлаться генераломъ, а это въ свою очередь не воздержало «кандидата въ Серрано» какъ его называли тогда, попытаться 19-го сентября провозгласить республику въ Мадридѣ. На вопросъ, что его заставило броситься въ это движеніе, Виллакампо отвѣчалъ:

— У меня не для того выработались политическія убѣжденія, чтобы я ихъ таилъ про себя!

За то генералу Бланко, объявившему ему о помилованіи, Виллакампо, уже приготовившійся къ смерти, сказалъ:

— Decid à la reina que soy caballero, y que nunca podre olvidar que le debo la vida.

(Сообщите королевѣ, что я caballero и никогда не забуду, что обязанъ ей жизнью).

Виллакампо со своимъ *спокойнымъ* мужествомъ продѣлывалъ часто такія вещи, которыя, пожалуй были бы не подъ силу и охотникамъ до сильныхъ ощущеній, живущимъ порывами и увлеченіями. Такъ напр., когда онъ узналъ, что карлисты рѣшили съ нимъ покончить и

убить его, онъ безоружный пріѣхалъ къ нимъ въ лагерь и заявилъ:

— Я поручикъ (это было давно) Виллакампо. Какому мерзавцу изъ васъ поручено убить меня?

Общее молчаніе встрѣтило его слова. Всѣ были поражены.

— Я безоруженъ теперь. Но вотъ моя перчатка—кому угодно ее поднять? (и онъ швырнулъ ее въ толпу).

Никто не наклонился.

— Я такъ и зналъ, что всѣ негодяи въ то же время бываютъ и трусами.

И Виллакампо, спокойно повернувъ коня, поѣхалъ обратно.

Вслѣдъ за Виллакампо, на островъ Фернандо-По, поѣхала и его дочь, вымолившая ему жизнь. Она рѣшилась раздѣлить съ отцомъ въ Африкѣ его тяжелую участь. Отецъ пробовалъ было убѣждать ее остаться, но потомъ оставилъ это.

— Я знаю, нашъ родъ отличается упрямствомъ.

— Нѣтъ! — отвѣчала ему молодая героиня. Это не упрямство. Во мнѣ течетъ кровь того генерала Виллакампо, нашего предка, который въ Аррагонѣ, съ горстью преданныхъ ему испанцевъ, сражался съ французскими арміями и билъ ихъ. Страдать съ тобою въ изгнаніи и благороднѣе и отраднѣе, чѣмъ пользоваться безъ тебя всѣми благами жизни въ Мадридѣ.

Вотъ письмо, которое генералъ революціонеръ

написалъ своей дочери, готовый къ смертной казни въ капеллѣ св. Франциска.

«Чудная и милая дочь моя, моя гордость, сокровище души моей! Мы рождаемся, чтобы умереть—и эту неоспоримую истину мы должны помнить въ эти торжественныя минуты. Имѣй силу выдержать жестокий ударъ, назначенный тебѣ судьбой. Я горжусь тобою, твоей душой, самоотреченіемъ, которое ты обнаружила, чтобы спасти меня. Такая чистая и достойная во всѣхъ отношеніяхъ святая дѣвушка, какъ ты, не нуждается въ совѣтахъ. Тѣмъ не менѣе, я тебѣ дамъ одинъ: утѣшся, видя меня мертвого тѣмъ, что я умеръ честно; имѣй мужество думать, что лучше остаться сиротою, чѣмъ быть дочерью подлаго. Не забывай, милая дочь, что твой отецъ, который тебя въ эту минуту мысленно обнимаетъ съ горячей и глубокой любовью, умереть спокойно. Знаю, что твоя добрая тетка, мои братья и родственники постараются замѣнить тебѣ меня и это наполняетъ мое сердце мужествомъ. Дочь моя, душа моя! Самое пламенное желаніе мое—чтобы ты была безконечно счастлива, какъ ты заслуживаешь своими добродѣтелями. Прощай моя дочь, еще разъ обнимаетъ тебя твой отецъ!»

II.

Критикъ и поэтъ.

Мой добрый миланскій пріятель, Сальваторе Фарина, снабдилъ меня передъ поѣздкой въ Испанію письмомъ къ редактору «La Epoca», Luis Alfonso. Луисъ Альфонсо оказался «знаменитымъ» на мѣстѣ художественнымъ и театральнымъ критикомъ, положеніе, которое нельзя сравнить съ тѣмъ же у насъ. Въ Россіи всякая газетная бездарность смѣло беретъ за это дѣло. Писать о картинѣ или о какойнибудь пьесѣ считается дѣломъ легкимъ, доступнымъ каждому репортеру, котораго къ сожалѣнію, учитель чистописанія выучилъ держать перо въ рукахъ—а не въ зубахъ какъ это дѣлаютъ дрессированныя собаки. Въ Мадридѣ, въ этомъ очагѣ искусства, только глубоко образованные, обладающіе доказаннымъ артистическимъ вкусомъ люди, люди много путешествовавшіе и много видѣвшіе, обладающіе большимъ матеріаломъ для сравненій—посвящаютъ себя художественной критикѣ. И критика здѣсь не похожа на наши замѣтки краткія и глупыя, наглыя по своему безцеремонному невѣжеству, самое себя увѣрившею, что не боги горшки обжигаютъ и что стоитъ только присѣсть за столъ, да взять перо въ руки—и дѣло будетъ въ шляхѣ. Впослѣдствіи, когда

я перезнакомился съ другими, пишущими объ искусствѣ въ Испаніи, съ Нуево-и-Кольсонъ, съ Діего-ди-Арме, съ Фернанфлоромъ, я нашелъ въ нихъ глубоко просвѣщенныхъ людей, много работавшихъ и многому учившихся.

Луисъ Альфонсо, живетъ въ одномъ изъ новыхъ кварталовъ, гдѣ дома—выходятъ окнами въ зеленые и благоухающіе скверы. Дома эти въ Мадридѣ строятся въ шесть и семь этажей—причемъ каждое окно является въ то-же время и балкономъ—черта общая съ Неаполемъ и причина въ томъ и другомъ одна и та же. Во времена оныя неаполитанскіе и испанскіе „Бурбоны“, въ похвальномъ стремленіе возложить отвѣтственность за свою финансовую глупость на неповинныхъ подданныхъ, положили большою податью окна, но забыли при этомъ о дверяхъ. Оголѣвшіе и безъ того обыватели тотчасъ же воспользовались этимъ промахомъ—и всѣ новые дома построили съ балконами и дверями вмѣсто оконъ! Оттого нижніе этажи здѣсь и имѣютъ только двери—всѣ остальные, тоже двери, выходящія на балконъ. Законъ этотъ въ Испаніи касался одного Мадрида—и весь Мадридъ, такимъ образомъ, покрылся чешуей балконовъ. Потомъ это вошло въ обычай. По лѣстницѣ—къ Луисъ Альфонсо всюду стояли статуи; изъ нихъ нѣкоторые были очень хороши.

Гдѣ я не былъ; начиная отъ палаццо любого богача и кончая самыми бѣднѣйшими

квартирами эмигрировавших сюда португальцев или итальянцев — эти лѣстницы одинаково узки и одинаково построены пзъ дерева. Желѣзныхъ или каменныхъ нѣтъ вовсе.

Хозяинъ молодой человекъ еще, валенсійскаго типа — добродушный, толстый, улыбающійся, встрѣтилъ меня съ самою изысканною вѣжливостью, привѣтствуя по пензмѣнному кастильскому обычаю:

— *Esa casa es de Uste* (Этотъ домъ принадлежитъ вашей милости). Какъ и я самъ какъ и все здѣсь, — мы въ вашемъ распоряженіи.

Кастильское приличіе требуетъ, чтобы каждый разъ, когда вы принимаете кого нибудь, вы ему сказали или вышеприведенную фразу, или:

— *Aquí esta su casa* (здѣсь — вашъ домъ).

Нравится-ли вамъ что нибудь въ домѣ у хозяина — онъ непременно скажетъ:

— Эта картина, эта статуя, книга, коверъ, подушка, прессъ папье (и т. д.) — принадлежитъ вамъ. И притомъ съ самою обворожительною улыбкой.

Вы благодарите, но, попятно картина остается у хозяина и вы ложитесь спать не въ его кровать, а идете къ себѣ домой въ отвратительный номеръ кастильской гостиницы. Соблюденъ былъ только церемоніаль, ничего больше. Иногда изъ за этого выходятъ очень комическія недоразумѣнія. Жоржъ-Зандъ въ

Пальма-ди Майорка имѣла рекомендацію въ одному мѣстному магнату. Онъ ее встрѣтилъ стереотипною фразой; романисткѣ понравилась его карета.

— Эта карета—ваша! Распоряжайтесь ею, какъ вамъ угодно!

Легкомысленная француженка пришла въ восторгъ и попросила прислать ее на завтра. Владѣлецъ поморщился—но прислалъ. Завтра она отдала такое же приказаніе вучеру на послѣ завтра и такъ прошла цѣлая недѣля, въ концѣ которой она получила разъ утромъ отъ своего патрона вмѣсто кареты—записку, гласившую:

«Если кастильская „вѣжливость“ требуетъ, чтобъ испанецъ предлагалъ себя и все ему принадлежащее въ распоряженіе первому встрѣчному иностранцу, то французская деликатность обуславливаетъ со стороны хорошо воспитанныхъ туристовъ отказаться отъ этой любезности!»

Квартира Луисъ-Альфонсо—крошечный музей; великолѣпныя картины, статуи, бездѣлочки изъ терракоты, носящія на себѣ отпечатокъ таланта и изящества. Вотъ чудесныя созданія Наваррете—проповѣдующій капелланъ и воръ, съ набожнымъ видомъ вытаскивающій у него изъ кармана кошелекъ, вотъ пейзажи Ургеля, женская головка Розалеса, превосходно исполненный портретъ какой то красавицы, кисти Гернандеса, оказавшійся портретомъ жены моего хозяина. Отличная библіотека—при-

чемъ каждая книга переплетена въ изящный и дорогой переплетъ. Могадорскіе ковры на полу. Характерная мебель—скорѣе произведеніе искусства, чѣмъ ремесленное издѣліе. Мнѣ казалось, что цѣлое состояніе потрачено на это. Я сталъ хвалить одну изъ статуй, изображающую каталонскаго художника, Фортунъ.

— Я думаю, что у русскихъ писателей еще болѣе прекрасныя вещи въ ихъ кабинетахъ?

— О нѣтъ? это слишкомъ дорого обошлось бы. Мы не столько зарабатываемъ.

— Какъ? да мнѣ все, что вы видите, ничего не стоитъ.

Тутъ уже и я, въ свою очередь, разинулъ ротъ.

— Ну да. Это все подарки художниковъ скульпторовъ и артистовъ. Мы, видите-ли взаимно другъ другу полезны, съ неподражаемою наивностью поясняя оны. Я дѣлаю имъ имена репутаціи, они—благодарятъ своими произведеніями. Вотъ, напримѣръ, Гверрера съѣздивъ въ Марокко и привезъ мнѣ оттуда эти два великолѣпные ландшафта и коверъ. Первую статью объ Ургелѣ написалъ я—онъ до сихъ поръ не можетъ забыть этого и въ каждый свой пріѣздъ въ Мадридъ даритъ мнѣ небольшой художественный факсимиле свой. Недавно молодой Эчегарай, которому я сдѣлалъ чудесныя сборы на его драмѣ „Вторая мѣсть“, прислалъ мнѣ рѣдкій экземпляръ „Донъ Кихота“... Нѣкоторыя статуи я даже на лѣстницѣ вынесъ, имъ у меня здѣсь не оказалось мѣста.

Уже именно, что городъ, то норовъ. Я только разводилъ руками, слушая его. Потомъ, впрочемъ, въ Италіи я ужь пересталъ и удивляться.

Луисъ Альфонсо — какъ я и думалъ оказался валенсійцемъ. Южная лѣнь не коснулась его. Онъ работаетъ страшно много и, притомъ ежедневно въ газетѣ и еженедѣльно у Нуэво-и-Кольсона надъ великолѣпнымъ изданіемъ «Словаря Испанскихъ драматическихъ писателей и артистовъ» сверхъ того ему приходится въ качествѣ корреспондента посылать массы писемъ во французскія изданія. Онъ ведетъ громадную переписку съ выдающимися писателями Англіи, Франціи и Италіи, находя время для публичныхъ лекцій, бесѣдъ въ Атенеумѣ, для посѣщенія безчисленныхъ литературныхъ вечеровъ, на которыхъ помѣшана мадридская знать. „Изданіе словаря драматическихъ писателей и артистовъ Иберійскаго полуострова“ — до того великолѣпно, что я невольно обратился къ Луисъ Альфонсо съ вопросомъ: «не ужели это окупается»!

— О нѣтъ. Нуэво-и-Кольсонъ очень богатъ. Онъ хотя и морякъ, но до страсти любитъ сцену. А наши богачи считаютъ предметомъ особеннаго честолюбія тратиться на такія изданія. Посмотрите, вотъ недавно герцогъ Медина Сели предпринялъ выпуски рисунковъ съ архитектурныхъ намятниковъ Испаніи. Еще на десятомъ онъ, а они стоятъ ему уже около